

Людмила БРАГИНА

ПОСЛЕДНЯЯ КУКЛА

Весь угол комнаты занимал старинный сундук из потемневших толстых досок, с медными петлями и щеколдой. Сначала там хранились бабушкины вещи: сверху чёрный плюшевый жакет-кацавейка, шерстяные и ситцевые платки, штапельные юбки, несколько платьев, под ними простыни с кружевными подзорами, вышитые розами рушники, накидки на подушки и, на самом дне, письма и облигации, завернутые в пожелтевшую от времени газету.

Потом мама уговорила бабушку разместить всё своё богатство в новом полированном шифоньере и на антресолях, а сундук отдали Лиде под игрушки — их за шесть лет накопилось немало. Самая первая, которую осознанно помнила Лида, большая жёлтая пластмассовая утка, что неизменно плавала в ванной во время каждого её купания.

Для сухопутных удовольствий — яркие бабочки-каталки на колёсиках, при движении махающие крыльями.

С каждым новым днём рождения игрушки становились всё интереснее и разнообразнее, они тоже будто росли вместе со своей хозяйкой. Хотя дарили их не только по праздникам, но и по другим поводам, и каждая имела свою особенную историю, которую рассказывала волшебным языком всех пяти чувств.

Каждый раз, когда Лида доставала зайца, а он у неё был единственный, в первые мгновенья она заново переживала острое чувство одиночества и отчаяния больничной палаты, холод утренней процедуры, горсть таблеток и три глотка безжизненной воды, которой невозможно было запить их горечь.

Пять лет ей исполнилось в больнице, куда её положили с воспалением лёгких. Из-за карантина никого в отделение не пускали. Нянечка принесла передачу от мамы — пять больших конфет «Гулливер» и новую теплую кофточку василькового цвета с малиновыми полосками. Лида немедленно надела её, застегнула все золотистые пуговицы, села на кровать и обхватила колени руками. Она смотрела, как идёт за окном снег, вспоминала, как совсем недавно мама с ветерком катала её на санках, а дома ждала бабушка и тёплый уютный свет на кухне...

Соседка по палате, пухленькая девочка лет семи, с большими глазами на круглом лице, похожая на совушку, подошла к ней и тихонько погладила по плечу.

— Ну чего ты так расстраиваешься? Тебя вылечат и отпустят. Главное, не вешай нос!

— Домой хочется... А ещё сегодня у меня день рождения. Вот, возьми «гулливерку», угощайся.

— Спасибо, — соседка открыла свою тумбочку и протянула Лиде яркий оранжевый апельсин. — А это тебе! Поздравляю с днём рождения!

И тут снова вошла санитарка и, улыбаясь, направилась к Лиде.

— Так это ты тут именинница? Внизу в приёмном отделении твоя старшая сестричка, чуть не плачет, скучает по тебе и ждёт, когда ты выздоровеешь. Передала тебе подарок. Говорит, что сама сшила.

И она протянула Лиде тряпичного красного в белый горошек длинноухого зайца с глазами-бусинками.

— Это Светочка, моя двоюродная сестра.

...Бабушка рано ушла на рынок, и её всё не было и не было. Лида уже не один раз обошла все комнаты и кухню, выглядывала в каждое окошко, подходила к входной

двери и прислушивалась к звукам в подъезде, но безуспешно.

Бабушку ждала и Света. Ей не терпелось выйти погулять с подружками и похвастаться новым платьем, которое ей вчера купили. Однако бабушка велела её дожидаться и не бросать младшую сестричку одну дома. И теперь Света вертелась у большого зеркального шкафа, принимала необычные позы, подражая артисткам из фильмов, которые видела по телевизору.

— Ну что, малявка, нравится тебе моё платье?

Платье было ситцевое, ярко-красного цвета в меленький белый горошек, с пышными воланами на рукавах и выглядело очень нарядным.

— Да, Светочка, очень красивое. А когда бабушка придёт?

— Скоро! А то я уже умаялась тебя караулить. Скажи, на кого я похожа? — она вздёрнула нос, взялась за край пышной оборки по низу платья, жеманно повела плечами и произнесла каким-то странным незнакомым голосом: — А недавно двое из-за меня стрелялись. Представляете, два лейтенанта. Оба красавцы, и оба наповал, — Лида от неожиданности растерялась и заморгала глазами. — А-ха-ха-ха! Ты такая маленькая и глупенькая, Лидуська, просто умора!

— Какие лейтенанты стреляли?

— Нос не дорос, какие. Скажи лучше, «банка».

— Банка... — послушно повторила вслед Лиды.

— Твоя бабушка цыганка!

— Это твоя такая! А моя... моя лучше всех на свете бабушек! — Лида нахмурилась, изо всех сил сдерживая рвущиеся наружу слёзы.

И тут раздался долгожданный звук поворота ключа в замке.

— Девочки мои любимые, я пришла!

Нагруженная сумками бабушка улыбалась, и её родное лицо светилось радостью и добротой.

Светка мгновенно бросилась к ней и обняла, всю-всю, вместе с сумками, бросив хитрый и насмешливый взгляд в сторону Лиды.

— Я так соскучилась! Ты моя бабушка любимая!

— Нет! Это моя бабушка! Отпусти!

Задыхаясь от обиды и возмущения, Лида подбежала к ним, потянулась тоже обнять бабушку, но сестра больно царапнула и отбросила её руку, а затем незаметно ещё и оттолкнула ногой.

Отлетев на пару шагов, Лида увидела, как бабушкино лицо и Светкина спина размываются и превращаются в одно большое красное пятно, а внутри почувствовала леденящую пустоту.

И не раздумывая, Лида бросилась вперёд, вцепилась в красные оборки, рванула изо всех сил, потом ещё и ещё. Треск рвущейся ткани, стук пуговиц об пол, крики перемешались и раздавались словно бы где-то далеко. А вот Светкина рука, которая только что обнимала и не отпускала бабушку, совсем рядом, и Лида несколько раз укусила её, стараясь посильнее сжать зубы.

Светка завопила, как резаная, пытаясь её оттолкнуть, ударила в плечо, и Лида упала. В пылу драки она снова вскочила, но тут её подхватила на руки и прижала к себе бабушка. Мгновенно ярость прошла, и Лида залилась слезами.

— Бабушка, ты же моя? Скажи!

— Конечно, Лидонька! Твоя и Светочкина! Вы же обе мои внученьки! Что же вы такое устроили, деточки?!

— Ты только моя! У неё и так и мама, и папа есть! Она тебя не любит, она говорила... и ещё к тебе лезла обниматься!

Лида свирепо оглянулась на обидчицу.

Светка сидела на уголке дивана, прижав худенькие ладошки к лицу и плакала. На одной руке, возле локтя, ярко выделялись три бордовых полукруга от зубов, платье было разорвано, на полу валялись клочья, словно кленовые и рябиновые листья.

Бабушка мазала сёстрам царапины и укусы зелёной, дула и причитала:

— Я ж поднялась пораньше, пока вы спали, думаю, сбегаю на рыночек... Яиц, фруктов купила, а вы в минуту сцепились и всё побили, потрошили... Надо мирно жить, а то вот такие подрыпанные, голые и босые будете. Что ещё родители ваши скажут?

Вечером было грандиозное разбирательство. Сестёр ругали, стыдили, внушали, что драться вообще нельзя, а девочкам, тем более, позорно. Отдельно Лида отстояла в углу за порванное платье и укусы, а Светке надрали уши и пообещали сдать в интернат за то, что «на восемь лет старше, а ума столько же».

Бабушке снова пришлось утихомиривать уже своих дочерей и зятя, чтобы их воспитание не нанесло большего вреда воспитуемым, чем сама провинность.

Лида держала в руках зайца и, словно наяву, видела, как Света обводит мелком выкройку, вырезает из красных лоскутов разные детальки, сшивает их, набивает ватой

и думает о ней. Она спрятала зайца под кофточку и до самой выписки не расставалась с ним ни на минуту.

Какие ещё были сокровища в деревянном сундуке? Пластмассовый тубус со строительным конструктором. Лида помнила счастливые минуты праздника, который остался с ней надолго. Тогда мама подруга тётя Тамара пришла к ним в гости и подарила эту замечательную вещь.

Внутри находились листы со схемами домов и белые одинарные и двойные кирпичики, из которых можно было строить дома, с окошками и дверями, крышей, заборчиками, воротами и калитками. Все детали хорошо компоновались между собой, и можно было строить дома сначала по образцу, а потом по-своему. Это было так увлекательно, Лида фантазировала, ошибалась, переделывала часами. Но потом, когда всё получалось: высокая островерхая башня, зубчатые стены крепости, она просто прыгала от радости и звала домашних оценить её старания.

Похожая игрушка, которая так же будила воображение — простая круглая коробочка с крышечкой, а под ней разноцветная мозаика — детали-гвоздики, вставляющиеся в отверстия. Так на свет появлялись не только цветы и бабочки, но и узоры, абстрактные картины, от которых веяло свежим ветром, пением птиц, весёлым настроением...

Светина мама, тетя Рая часто ездила в командировки, откуда обязательно привозила что-нибудь интересное. Из Москвы к Лиде приехал чудесный набор для вышивания: маленькие голубые пластмассовые пяльцы, салфетка с нанесённым пунктирным рисунком: цветущее деревце с жар-птицей на ветке и несколько мотков шёлковых ниток. Бабушка показала ей, как натягивать ткань, чтобы она была похожа на барабан, как вдеть нитку в иголку и шить правильные стежки. И скоро деревце зашумело листиками и заблестало золотыми пёрышками.

Частенько доставалась из сундука механическая, но, без сомнения, волшебная, Дюймовочка в цветке кувшинки, лепестки которой раскрывались от нажатия на рычажок-палочку. Раздавалось тихое жужжание, и внутри появлялась крутящаяся маленькая фигурка, на которую можно было смотреть бесконечно.

А вот заводной медведь с балалайкой появился при грустных обстоятельствах. У Лиды расшатался и даже начал побаливать передний зуб. Мама отпросилась с работы и повела её в стоматологическую поликлинику. Высокий и здоровенный врач в белом халате осмотрел зуб круглым зеркальцем на длинной ручке, потом помазал его какой-то, неприятно пахнущей, щипучей жидкостью, взял щипцы и выдернул, да не один, а сразу два передних зуба! Было ужасно больно, обидно, Лида заплакала и возненавидела этого злого доктора. Как только стало можно, она сползла с кресла и, проклиная его всем своим израненным сердцем, вышла из кабинета, не понимая, как можно так поступать. С мамой, которая по своей воле привела её сюда, разговаривать не могла и не хотела. Хотя мама тоже не ожидала такого и была расстроена. Она жалела дочку, гладила по голове, шептала ласковые слова, но горечь не уходила.

Тогда мама взяла Лиду на руки, и они зашли в соседствующий с поликлиникой «Детский мир». Вот там Лида и увидела своего коричневого медведя, который держал в лапах балалайку. Если вставишь ключик в штырёк в спине и покрутишь, то медведь оживает, топает, играет на балалайке, покачивает головой из стороны в сторону. И тихонечко рычит. После этого зубное происшествие отошло на второй план, а медведь-музыкант поселился в сундуке.

На все важные события Лида брала своего мишку. И фотографироваться в новом зелёном свитерке со Светкиным значком «Общество охраны природы» она тоже согласилась только с ним. Но улыбаться, как фотограф ни старался её рассмешить, отказывалась.

Однажды гуляя на улице, в зарослях сирени Лида заметила небольшой чёрный пистолет. Она оглянулась в поисках его владельца, но ни детей, ни взрослых поблизости не было, и она подняла находку. Он был тяжёлый, со звездой на рукоятке и совсем-совсем как настоящий. А может, и правда настоящий, но как он сюда попал?

Лида вспомнила, как недавно по телевизору показывали фильм про шайку преступников, и когда их раскрыли, началась погоня. Бандиты отстреливались, даже ранили милиционера. Подстёгнутая жгучим любопытством, Лида заглянула за кусты. Там никто не лежал, не стонал, не истекал кровью, и она с облегчением выдохнула и побежала домой. Бабушка сначала охнула, потом протёрла пистолет тряпкой и обнаружила надпись: «Цена 55 копеек». И ещё неделю, несмотря на мамины увещевания — «ты же девочка», Лида выпрашивала купить пистонную ленту.

В конце концов небольшой моточек ленты ей подарил соседский мальчик, которому она дала поиграть свою машинку самосвал, с рычажком сбоку, где в кузов можно набирать и сгружать песок. Первый пистон Лида опробовала прямо во дворе,

развернув рулончик на бордюре и ударив по маленькому коричневому кружочку камнем.

Сверкнула искра, и одновременно раздался громкий хлопок. И запах, замечательный запах, чуть похожий на тот, когда бабушка бросала зажжённую спичку в банку, где был кусочек бумаги... Лида жадно втянула носом пороховой дымок. Пистолет и ленту основательно запрятала на самом дне сундука, чтобы пострелять, когда никого не будет дома.

Сверху прикрыла чёрной коробочкой с первым своим музыкальным инструментом — металлофоном. Тоже очень ценной игрушкой, которую принесла соседка по подъезду, у которой выросла дочка. Лида клала на колени деревянную подставку, брала в руки белые круглые молоточки, легонько ударяла ими по металлическим блестящим пластинкам и слушала, как дрожат вокруг хрустальные, волшебные звуки.

Кстати, фраза «ты же девочка» появилась у мамы уже давно.

Ещё со времени их отдыха на море, когда Лида подружилась с мальчиком, забыла, как его зовут, но это простительно, ей тогда было всего три с половиной года. Они вместе бегали по санаторию и собирали окурки, решив, что пришло время научиться курить.

— Ты же девочка, а ведёшь себя хуже мальчишки! — как гром среди ясного неба грянуло над ними, когда обе родительницы поймали их за павильонами на месте преступления.

Тут же последовало неотвратимое наказание. Обоих отлупили, Лиду просто ладонью по попе, а юного соучастника мать отхлестала мокрым полотенцем, да ещё при всех. А потом и совсем запретили им вместе играть.

Лиде было обидно и непонятно, почему она хуже, ведь они всё делали вместе. И в чём и почему она должна быть лучше?

Мама рассуждает «про девочку» всегда по разным поводам, но чаще всего это означает либо запрет, либо осуждение. Конечно же, Лиде это не очень нравится. Она и так знает, что она девочка, и вообще не любит нотаций. Иногда ей кажется, что мама сама себе напоминает, что у неё не сын.

Может быть, ещё и поэтому мама покупает ей кукол. Все девочки играют в куклы. И Лида, само собой, ничего против не имеет. Хотя, сказать по правде, её самая первая и красивая кукла, горячо любимая ещё с младенчества — старинная немецкая фарфоровая статуэтка балерины с зеркалом, которая стоит в серванте. Как только Лида её увидела, замерла от восхищения, потянулась к ней, а потом под присмотром мамы с трепетом гладила по складкам голубого глянцевого платья и матовым, прохладным рукам, лицу с лёгким персиковым румянцем, восхищаясь золотыми туфельками, солнечными бликами в светлых волосах, зеркальцем, в которое гляделась эта красавица, с одной стороны серебряным, а с другой золотым.

После неё лупоглазые неваляшки и матрёшки со свекольными щеками выглядят не впечатляюще. А как можно всерьёз воспринимать розовых пластмассовых кукол с растопыренными руками и ногами, если их что девочками одевай, что мальчиками, всё одинаково некрасиво?

Бабушка говорит: «Кто в куклы не играл — тот счастья не видал». Но и горя тоже, про себя прибавляет Лида. Бабушка имеет в виду даже не самих кукол, а время, когда люди живут беззаботно, не ходят ни в школу, ни на работу и играют, сколько захотят. Про детство она говорит.

Лида с куклами натерпелась столько всего, что лучше бы их и вовсе не было. Всё началось с небольшой безымянной куколки с нарисованными глазами и волосами. Днём она с ней играла, брала на прогулку, а ночью укладывала рядом с собой на подушку спать. Мама всегда оставляла рядом на столе включенным маленький ночник в виде снеговика, потому что Лида во сне постоянно ворочается и однажды на краешке кровати повернулась, грохнулась на пол и набила на лбу здоровенную шишку.

А этой ночью она проснулась неизвестно почему, никто не будил, в туалет не хотелось, и Лида просто лежала, смотрела на тёплое и уютное пятнышко света, слушала, как рядом в комнате дышит мама и тихо похрапывает бабушка. Она уже собралась вернуться на бок и снова уснуть, как совсем близко со своим лицом увидела куклу. Лида забыла про неё и от неожиданности вздрогнула.

Маленькая на большой подушке она лежала слишком прямо и ровно, уставившись тёмными и пустыми глазами в потолок, как будто бы готовясь к чему-то. Лида захотела убрать куклу, но было нестерпимо страшно протянуть руку и дотронуться до неё. Тогда она сама отодвинулась к самой стенке, держась всё время настороже, веря и не веря, что кукла вдруг повернётся или моргнёт. Только под утро, когда первый свет начал сереть за окном, Лида задремала в полглаза.

Играть с этой куклой совершенно расхотелось. Она больше не внушала доверия, и ей нашлось тайное местечко на балконе за деревянным ящиком с овощами, куда заглядывали, наверное, только пауки. Мама решила, что игрушка потерялась и долго расспрашивала Лиду — где, куда, как... Но недавнее ночное потрясение, неприятные воспоминания о нём и путаница в мыслях, мешали рассказать и признаться в своём страхе.

Через время место прежней куклы заняла новая — побольше размером, в белых туфельках, улыбающаяся и голубоглазая, в платьишке с ромашками. Руки и ноги у неё были на шарнирах, голова поворачивалась, но всё внимание хозяйки было обращено на жёлтые волосы. Они были не нарисованными, а похожими на настоящие кудряшки. Лида провела по ним рукой — жёсткие, прозрачные, как будто стеклянные.

Имея уже некоторый опыт, Лида играла с ней дома, выносила во двор показать подружкам и поиграть вместе. Но всё это днём, а на ночь обязательно клала куклу в сундук, к другим игрушкам. Со временем ромашки на платье потускнели, весёлое кукольное личико стало чумазым, а кудряшки закошлатились.

— Ох и жизнь тяжёлая у твоей куклы...

— Отчего, бабушка?

— Одна нога обута, другая разута, а если бы третья была, не знаю, как бы пошла.

— Так нет же у неё третьей ноги!

— И хорошо, что нет, туфелька-то только одна! Помнишь, мы с тобой стишок читали, это точно про неё:

*Замарашка рук не мыл,
Месяц в баню не ходил.
Столько грязи,
Столько ссадин!
Мы на шее лук посадим,
Репу — на ладошках,
На щеках — картошку,
На носу морковь взойдет!
Будет целый огород!*

— Ничего мы сажать не будем! Она разве в этом виновата? — Лида очень удивилась бабушкиной несправедливости.

Взяв куклу под мышку, отнесла её в ванную, сняла платьице, намылила, потёрла, прополоскала под струёй воды и повесила на тёплую трубу в ванной сушиться. Потом своей мочалкой отмыла грязное личико и приступила к волосам. Сначала пыльные и спутанные, они после мытья вообще сваялись в комок, как пакля.

Лида взяла свою расчёску и начала их распутывать. Провела пару раз, и сразу вылетели несколько зубьев, а расчёска как будто состарилась и стала похожа на рот бабы Яги.

«Ой... Но надо же как-то её расчесать, — расстроилась Лида, подумала-подумала и взяла с полочки мамину, — буду теперь осторожнее». Не успела сделать несколько движений, как и вторая расчёска прочно застряла в волосах, словно в мотке жёсткой проволоки.

И так и этак крутила её Лида, чтобы высвободить, ничего не помогало, только ещё больше волос наматалось. Расчёска торчала в кукольной голове, как топор. Как ни старалась Лида не паниковать, но не выдержала и дёрнула. Хр-рясь! — ручка пополам, а зубья так и остались в плену. Оставалось только одно средство — состричь расчёску. Хорошо, бабушка вышла на кухню, поэтому удалось ножницы взять незаметно и на цыпочках вернуться в ванную.

— Лидуся! Я тут обед собрала, где ты есть?

— Сейчас! Я скоро!

Стрижка «ёжик» подходила к концу. Куклу можно было смело одевать мальчиком и отдавать в армию. А на Лидиных пальцах, где были кольца ножниц, остались красные вмятины и водяные волдыри, которые сильно болели, горели, жгли.

Чтобы не привлекать внимания к сверхсекретной операции, Лида села за стол и попыталась есть левой рукой, но получалось медленно и плохо, суп проливался. Бабушка сидела напротив и внимательно смотрела на неё.

— А что же ты без хлеба ешь? Бери, вот твоя любимая горбушка! — и Лида потянула правую руку за горбушкой. — Да Боже ж мой, что ты ею делала? В ванне сидела три года?!

— Стирала, мыла, стригла...

— Ту проклятую куклу? Да позвала бы меня, я помогла... — бабушка подошла к окну, отломала лист алое, сказала: — Спасибо, цветочек! — промыла под струёй воды,

убрала колючки и разрежала вдоль. — Давай сюда пальчики, лекарство приложим, всё пройдёт!

Прохладная студенистая мякоть листочка сняла боль, но на душе скреблись кошки.

Мама весь вечер отчитывала Лиду за испорченную куклу, объясняя и повторяя, что портить игрушки нехорошо, стричь — это значит портить, надо относиться к куклам бережно, больше так делать нельзя...

Ну как ей объяснить, что всё это произошло как раз из-за того, что хотела, чтобы куколка стала чистой, красивой, но не всё и не всегда зависит от тебя?

Как только весеннее солнышко стало хорошо пригревать, земля покрылась травой и цветами, во дворе наступила кукольная эра: девочки выносили во двор пледики, покрывала и своих любимиц. Кукольный народ предстал во всей своей красе и многоликости. Пупсики в самодельной одежде стали казаться ещё меньше и без боя сдали свои позиции.

Сначала появилась шагающая великанша Нина — ростом почти со свою хозяйку, которая гордо водила её за ручку, а следом, словно фрейлины за принцессой, зачарованно шли почти все девочки двора. Кукла, очень похожая на девочку Суок из фильма «Три толстяка», переставляла красивые прямые ноги и поворачивала голову то влево, то вправо, собирая восторженные взгляды, как настоящая кокетка.

Ей составили компанию шумные говорящие куклы, на все голоса твердящие «мама», у которых в спине или в животе был пищик. Нужно было перевернуть куклу и, если делать это часто, она начинала просто, как козленок, пищать «меа-а-а».

Издредка удавалось поглазеть на свадебных кукол-невест, которые сидели на капотах машин, привязанные лентами в одинаковых пышных белых платьях с фатой.

Но настоящим чудом стало появление первой «немочки» — невообразимо красивой резиновой куклы из ГДР. У неё были роскошные тёмные шелковистые волосы, убранные в сеточку, пушистые реснички, мягкие руки и ноги, где выделялся каждый пальчик, каждый ноготок! Даже на ощупь она казалась тёплой, словно живая. Всё в ней было ярко и прекрасно: белые носочки и съёмные туфельки, красный трикотажный костюмчик и такая же сумочка.

Все до одной девочки жутко завидовали, а взрослые поругивались на порушенный покой и новые витки семейных драм. Даже бабушки, сидящие на лавочке возле подъезда, с утра до самого захода солнца с жаром обсуждали эту новость.

— Глобусовы из 35-й задали жару. Дочке из турпутёвки куклу немецкую привезли, а всему дому теперь не до сна.

— Точно! Наша Маринка такие гопки бьёт, кричит, из себя выходит, требует такую же! Родители-дураки пообещали купить, а надо бы взять хворостину, да всыпать ей, чтоб понимала!

— Помню, мы на палочку лоскуток цветной от старой какой одёжки наматаем, скрутим, головку соломой набьём, нитками ручки перевяжем, и готова куколка! Любодорого... Игались — поесть забывали!

— А нынешние разбалованные, всем недовольные. У нас тоже ноет — «купи, да купи!» — Хильду эту или Гретту, как её там... Уже аж голова болит от неё.

— А сколько ж она стоит, та-то кукла?

— Ты её ещё поди достань, если блата нет! И стоит будь здоров сколько! Не то 15, не то 20 рублей!

— Немчура делать может, но и цену знает.

— Ой, а ваши молодые с жиру-то как бесятся...

Лида слушала всё это за спинами бабушек, сделав вид, что поправляет гольфы, а потом потихоньку отошла в сторону, понимая, что ей не помогут ни слёзы, ни истерики. Да и стыдно ей было так вести себя. Какая радость потом от этой, хоть бы и самой расчудесной куклы?

Конечно, ей очень хотелось, пусть не ходячую, не говорящую, про немецкую и говорить нечего, но, главное, куклу со «спящими глазами», чтобы они открывались и закрывались. А будут они серые или голубые, да хоть зелёные — неважно. Но как её выпросить? Лида видела, что мама работает одна, а бабушка всегда думала, чтобы ничего не пропало, сушила сухарики из оставшихся корок, круглый год выращивала на окне лук в банках, из прокисшего молока пекла оладьи, зашивала только что появившиеся дырки на одежде, перешивала её, ворчала, если кто-то забывал выключить лампочку и сокрушалась — «нажгли свету, а чем платить?» Не было места её просьбе в этом бережливом порядке жизни, где каждая копейка на счету.

Правда, однажды маме на заводе за ударную работу и перевыполнение плана выписали премию, и она подарила Лиде забываемый праздник — взяла напрокат велосипед! Целый месяц счастливая Лида неумоимо крутила педали с утра и до

вечера, даже пару раз случившиеся дожди не испортили переполнявшей её радости.

Но кукол напрокат не давали, может быть, только свадебных, поэтому оставалось только мечтать. Или всё же попробовать?

Вечерком, усевшись возле сундука с игрушками, Лида, представив, что наводит порядок, начала перекидывать их с места на место, протирая чистой белой тряпочкой и приговаривая:

– Какие же у меня красивые игрушки! И зайчик, и мишка, и самосвал, и пистолетик! А кукол-то и нет совсем... И веду себя хорошо, а почему-то нет.

– Вот потому и нет, что одну закинула куда-то, а другую испортила, – продолжила её «размышления» мама.

Бабушка поддержала:

– Ты думай, что тебе в школу скоро, а ты всё про кукол. Серьёзней надо быть.

Лида нахохлилась, но решила не отступить.

– Я и так серьёзная. Буду куклолку беречь, заботиться о ней, учить...

– В выходные пойдём в «Маяк», портфель тебе купим, платье форменное, фартучки, бантики новые...

– У тебя, Лидуся, новая жизнь настанет, книжки будешь читать, уроки делать, некогда играть.

Всегда вот так: мама с бабушкой заодно, и они взрослые, и они правы, а она не может найти слов, чтобы её поняли. Крепясь из последних сил, чтобы не заплакать, Лида горько вздохнула:

– Так вот вырасту и никогда у меня уже не будет куклы с закрывающимися глазами.

В школе было интересно. Учительницу Антонину Григорьевну звали так же, как маму, только отчество другое. Хотя Лида никогда маму по имени не называла, но чувствовала в этом совпадении особую тайную связь: пусть в классе и было тридцать учеников, но учительница больше благоволила именно к ней.

Мальчик Лёня Шабаров, с которым её посадили за одну парту, тоже был хороший. Он увлечённо рисовал ручкой на тетрадных листах море и корабли. Они падали друг в друга из пушек, клубился дым. Лида спрашивала, из-за чего они воюют, и просила нарисовать человечков – матросов и капитана. И, к её восхищению, он рисовал их левой рукой, а правой писал в прописях, и всё это одновременно.

У Лиды появилось много красивых вещей: букварь и другие учебники, деревянный резной пенал с ручкой и карандашами, школьная форма с белыми кружевными манжетами и воротничком на платье, синий тоненький спортивный костюмчик, новые чёрные туфельки и мешочек для сменки, который сшила ей бабушка.

Новая жизнь ей очень нравилась. Но ещё приятнее было вернуться домой, открыть любимый сундук, вытащить игрушки, выбрать ту, которая подходит по настроению и играть, чувствуя, что ты уже немножко изменилась, а калейдоскоп или Дюймовочка всё те же. Домашних заданий пока не задавали, времени оставалось достаточно и на сон, и на игру, и погулять во дворе.

Для мамы и бабушки начало её учёбы было связано с гордостью и переживаниями, ожиданиями и надеждами, даже больше, чем у самой Лиды. С появлением ученицы в семье в их скромном бюджете образовалась брешь. Привычный режим экономики перегревался, не выдерживая новых необходимых расходов. И бабушка, понаблюдав за другими бабушками, подумала, посчитала и нашла способ заработать.

В подвальчике их дома был овощной магазин. Вместе с мамой они покупали там свежую капусту. Выделив специальный день, бабушка точила на бруске большой нож, освобождала кухонный стол, разрезала кочан на четыре части и шинковала тонкой красивой соломкой. Потом посыпала её крупной солью и укладывала в большую эмалированную кастрюлю. И примерно через неделю, иногда утром, после того как проводит Лиду в школу, а иногда после обеда, ближе к вечеру, бабушка шла к гастроному «Москва» торговать квашеной капустой.

Лида часто помогала ей чистить морковку, закладывать в нашинкованную капусту дольки яблок, накрывать чистой марлей кастрюлю. В награду всегда была сладкая кочерыжка.

Но интереснее всего было, если удавалось уговорить бабушку взять Лиду с собой к гастроному. Бабушка доставала из сумки маленький раскладной стул, расстилала на земле клеёнку, ставила на неё кастрюлю с капустой, садилась и спокойно ждала. Лида стояла рядом, внимательно вглядывалась в лица прохожих, пытаясь угадать, кто же к ним подойдёт. Как только возле них останавливался покупатель, неважно, мужчина или женщина, внутри Лиды словно вспыхивали бенгальские огни. Блестя глазами, с жаром она начинала рассказывать, какая замечательная у них капуста.

— Вкусная! Хрустящая! Беленькая! Полезная! И недорого — блюдечко 20 копеек. Ей хотелось поскорее продать её всю, чтобы бабушка не тащила назад кастрюлю. А вечером они сядут вместе за стол, на котором Лида будет отсчитывать монетки и составлять из них маленькие столбики — по пять двадцатикопеечных кружочков в каждом. И потом бабушка станет заворачивать эти серебристые столбики в кусочки газетной бумаги. И чем больше бумажных узелочков получится, тем лучше.

Сегодня бабушка ушла сама, потому что Лида проспала.

Учебная неделя закончилась, впереди выходные, и сейчас она чувствовала себя бодро, настроение было такое, когда хочется сразу всего и немедленно. Пробежавшись по квартире и удостоверившись, что дома никого нет, Лида сбросила на пол подушки и от бурлящей и переполняющей её радостной энергии принялась прыгать на кровати, как на батуте. Сначала она представляла себя пружинкой, которая то сжимается, то с силой разжимается, а потом у неё вырастают крылья, и она уже парит в воздухе, и она — птица! Главное, посылнее оттолкнуться...

И тут её взгляд неожиданно привлёк предмет, которого раньше не было — большая картонная коробочка на шифоньере. Лида замерла, вытянув шею. Почему-то первое, что пришло ей в голову, это — ни в коем случае нельзя смотреть, что там. Это ощущение было похоже на холодок на макушке. Потом он собрался в большой снежный ком, который прокатился через горло и упал в живот. Она медленно спустилась с кровати, подняла подушки, поправила простыню, села и задумалась.

«Коробочка появилась недавно. Кто её принёс — мама или бабушка? Мне ничего не сказали и между собой об этом при мне не разговаривали. Получается, это их секрет. Который они хранят от меня. Они не станут держать в этой коробочке что-то плохое... — и тут Лида вспомнила, что в воскресенье у неё день рождения, а значит... — Это мой будущий подарок!»

Но ком в животе не растаял, а холодок растёкся до самых кончиков пальцев рук и ног. Казалось бы, что проще: не трогай и не смотри. Придёт время, и всё выяснится, тебе же подарят. Но мысли так прикованы к этой серой коробочке, что ни о чём другом не думается. Скорее бы уже кто-нибудь пришёл!

Но никого пока нет, и можно взять табуретку, залезть, открыть крышку... Что может случиться, если она взглянет одним только глазком? Ей же никто не запрещал это делать.

Стоя на табуретке, Лида поняла, что её роста не хватает, и чтобы заглянуть в коробочку, нужно её снять и поставить на стол. Чуть дыша и прислушиваясь, не скрипнул ли ключ в замке, непослушными руками она взяла загадочную коробочку, осторожно спустилась и подошла к столу. Прочла сбоку надпись большими чёрными буквами — «Кукла Вера», ниже — «Цена 8 рублей». И подняла крышку.

Кукла Вера была одета в длинный синий сарафан и белые туфли. Рыжие волосы не очень длинные, с чёлкой, туловище твёрдое, но лицо резиновое и спящие «вставные» глазки. Не задумываясь, Лида быстро вынула её из коробочки, поставила вертикально и наклонила к себе. Внутри раздалось капризное «ма-ма», кукла открыла глаза и уставилась на неё. Они были блестящие, тёмно-коричневые, с чёрным зрачком посередине. В них отражалась уменьшенная Лидина копия и каждое её движение. Лицо куклы как будто оживилось, и на губах появилась неприметная улыбка.

Лида хотела отвернуться, но глаза притягивали, как магнит. При наклоне туловища вверх-вниз они то прикрывались веками с ресницами, то снова распахивались. Эти кукольные глаза напоминали ей каштаны, которые падают осенью на дорожки парка, смешиваясь с ржавыми листьями. И ей неудержимо захотелось аккуратно вынуть их и рассмотреть получше.

Кукла снова подала голос, на этот раз её «ма-ама» прозвучало тревожно. С говорящим механизмом куклы Лида разобралась почти без последствий. Сняв с неё сарафан, обнаружила в спине круглое отверстие и вставленный в него пищик. Небольшой пластмассовый цилиндр состоял из стаканчика и надетого на него кружочка с дырочками. Поддела его ножницами, вытащила, изучила. При переворачивании внутри стаканчика двигался грузик и раздавалось то самое слово, которое внутри куклы звучало по-разному, наделяя свою владелицу неуловимыми чёткими характеристиками, а в руках просто однообразно и монотонно. Лида легко вставила цилиндр на место, и вновь её внимание привлекли глаза.

Как же они держатся и почему они не закрываются, когда кукла стоит или сидит? Вот люди так могут и даже ходить с закрытыми глазами могут. Недавно в школе на перемене они играли в Опанаса. В этой игре водящему завязывают глаза, раскручивают, хором кричат: «Опанас, Опанас, лови мух, а не нас!», разбегаются, и он потом кого-нибудь должен поймать. И Маринка Кузьмина чуть было не поймала учительницу! Правда, не Антонину Григорьевну, а из параллельного класса, очень строгую, которая

объяснила, что эта игра шумная и небезопасная, может плохо кончиться. И почти все ребята согласились, что в неё, действительно, лучше играть во дворе.

Положить бы сейчас куклу в коробку и отнести назад, но Лида всё вертит её в руках, смотрит в её острые, как буравчики, зрачки и не может успокоиться, пока не узнает, как это устроено. Она осторожно подёрнула длинные ресницы. Держатся прочно. Перевернула Веру на спину и пальцем слегка нажала на закрытый глаз.

И тут случилось страшное. Оба глаза провалились внутрь кукольной головы, и на лице образовались пустые глазницы.

Лида в панике затрясла куклу, производящую резкий, квакающий звук «у-уа-уа», надеясь подцепить глаза за реснички и вернуть их на место. Но глаза не держались, падали.

Что же делать? Что же делать!.. Девочка в отчаянии схватилась за голову. Потом перевела взгляд на поломанную куклу. У неё надо лбом, по всей окружности головы проходил шов. Лида одной рукой сжала кукольное лицо, а второй крепче ухватилась за волосы и потянула. Верхняя часть головы отделилась, наподобие скальпа. Видно было, как ровными косичками прошиты волосы, а внутренность нижней части головы – совершенно пустая. Глазной механизм провалился куда-то вниз.

В коридоре послышался звук открывающейся двери. Соединять голову времени уже не оставалось, поэтому бросив всё как было в коробку, Лида потащила её к шифоньеру. И еле-еле успела, прежде чем бабушка вошла в комнату.

Весь следующий день мама с бабушкой хлопотали по хозяйству и ни минуты Лида не могла улупить, чтобы исправить то, что она натворила. Она ещё надеялась, но вечером мама как-то по-особенному тепло обняла её и сказала:

– Ложись, доченька, сегодня пораньше. Завтра тебе исполнится семь лет. Мы с бабушкой утром тебя поздравим, а к обеду придёт тётя Рая со Светочкой, и мы все вместе пойдём в парк кататься на каруселях, веселиться и праздновать!

Лида кивнула и послушно пошла в кровать. Она с ужасом представляла, как мама открывает крышку, а там... Мало того, что без глаз, так ещё и с разъятой головой. Её подарок. Хотя не только её. Восемь рублей, это восемь маленьких серебристых столбиков, по пять монеток в каждом... Сколько же раз бабушка ходила с тяжёлой сумкой к гастроному, чтобы накопить ей на подарок. От жалости и безысходности Лида беззвучно заплакала. Но слёзы не облегчили её горе, а совершенно измучили. Она не могла уснуть до глубокой ночи, лежала, прижимаясь щекой к мокрой подушке и спрашивала себя: почему так всё получается? Будут ли её любить мама с бабушкой после того, как... Как ей дальше жить?

На столе стояли тарелки и чашки из праздничного сервиза с золотыми ободками, а посередине на блюде большой торт с кремовыми розами.

– Вот так и нужно спать имениннице! – смеётся румяная бабушка в нарядном переднике.

Мама в любимом голубом платье ласково и загадочно улыбается.

– С днём рождения, малышка! Умой личико и приходи! Тебя ждёт сюрприз!

Лида вернулась в комнату с холодеющим сердцем. Бабушка режет торт, а мама уже держит в руках злополучную большую серую коробку.

– Мы желаем тебе быть здоровой, весёлой, доброй, умной и послушной девочкой! Хорошо учиться и помогать маме и бабушке...

Вот и всё. Она долго-долго смотрела на изувеченную куклу, потом, не сказав ни слова, поставила коробку перед Лидой и ушла на кухню. Бабушка в недоумении попеременно то следит за мамой, то рассматривает «сюрприз», а потом всплёскивает руками:

– Ой, ты ж горюшко! С тобой спокойно не умрёшь...

Лида стоит столбом возле праздничного стола.

А из кухни слышны всхлипывания и мамин голос. Такой родной и несчастный:

– Больше никаких кукол! Хватит!

Лида чувствует, как по всему телу разливается кипяток, в голове огонь, она видит себя, как будто со стороны. Лида хватает со стола нож, измазанный розовым кремом, и изо всех сил бьёт куклу Веру в грудь, в лицо, кромсает на лоскуты синий сарафан.

– Вот тебе! Гадина! Хорошо учиться! И помогать маме и бабушке!